

Список литературы

1. Грибоедов А. С. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Правда, 1971. 384 с.
2. Григорьев А. А. Театральная критика. Л.: Искусство, 1985. 408 с.
3. Гришунин А. Л. А. Н. Островский и А. С. Грибоедов // Наследие Островского и советская культура. М.: Наука, 1974. С. 77—92.
4. Жития Святых / сост. Иоанн Бухарев. М.: Отчий дом, 1999. 696 с.
5. Журавлёва А. И. А. Н. Островский — комедиограф. М.: Изд. МГУ, 1981. 216 с.
6. Журавлёва А. И. «Правда — хорошо, а счастье лучше» // Литература в школе. 1998. № 3. С. 12—18.
7. Лакиин В. Я. Островский (1878—1886) // Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1975. Т. 5. С. 475—498.
8. Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие (XIX — начало XX века). Л.: Наука, 1983. 269 с.
9. Островский А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 8. 552 с.
10. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука, 1979. Т. 10. 712 с.
11. Фомичёв С. А. «Горе от ума» в наследии Островского // А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков. Л.: Наука, 1974. С. 7—27.

УДК 811.161.1'37

ББК 81.411.2-003

DOI: 10.46726/H.2021.1.4

Е. И. Лобанова, Н. В. Суворова

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДЕРЕВО» В РОМАНЕ Е. Г. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

В данной статье рассматривается одна из самых актуальных проблем современной лингвистической науки — проблема репрезентации определенного концепта в произведениях современной художественной литературы. В рамках поставленной проблемы предпринимается попытка системного анализа различных способов вербализации концепта «дерево» в «неисторическом» романе Е. Г. Водолазкина «Лавр». На основании многообразия выявленных языковых средств, обеспечивающих репрезентацию всех основных смыслов данного концепта как концепта-константа, устанавливается закономерное сходство общих и частных представлений о данной лингвокультурологической категории, реализующихся не только в произведениях русского народного творчества, но и в произведениях современной художественной литературы. Разнообразие лексических средств, включающих прямые и производные номинации концепта, фразеологические единицы, однокоренные слова, синонимы, лексемы, связанные гиперо-гипонимическими отношениями, а также метафорические номинации концепта, способствует наиболее точному и полному отражению специфики авторского видения концепта-константа «дерево». Однако способы вербализации данного концепта, выявленные в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр», наглядно свидетельствуют и о тесной и неразрывной связи индивидуального мироощущения писателя с национальным менталитетом, с традициями русского народа, глубоко уходящими своими корнями в дохристианскую эпоху.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, структура концепта, способы вербализации концепта, концепт «дерево».

E. I. Lobanova, N. V. Suvorova

VERBALIZATION OF THE CONCEPT “TREE” IN THE NOVEL “LAVR” BY E. G. VODOLAZKIN

This article examines one of the most challenging problems of modern linguistic science — the problem of representing a certain concept in texts of modern literature. Within the framework of the posed problem, an attempt is made to analyze systematically various ways of verbalizing the concept of “tree” in the “non-historical” novel by E. G. Vodolazkin “Lavr”. Based on the diversity of the identified linguistic means that ensure the representation of all the main meanings of a given concept as a concept-constant, a natural similarity is established between general and particular ideas about this linguoculturological category, which are realized not only in the works of Russian folk art, but also in the works of modern literature. The variety of lexical means, including direct and derived concept nominations, phraseological units, cognate words, synonyms, lexemes linked by hyper-hyponymic relations, as well as metaphorical concept nominations, contributes to the most accurate and complete reflection of the specificity of the author’s vision of the concept-constant “tree”. However, the ways of verbalizing this concept, identified in the novel by E. G. Vodolazkin “Lavr”, clearly testify to the close and inextricable connection of the individual worldview of the writer with the national mentality, with the traditions of the Russian people, deeply rooted in the pre-Christian era.

Key words: linguistic picture of the world, concept, concept structure, ways of concept verbalization, concept “tree”.

Язык и культура существуют в тесном взаимодействии. Их отношения принято рассматривать как отношения части и целого. Процесс усвоения культуры происходит именно через язык: нельзя понять философию, литературу, религию народа — основные составляющие культуры — без языка. Он выступает первичной знаковой системой. Язык выполняет кумулятивную функцию: является универсальным средством формирования, хранения и передачи опыта. Немецкий ученый В. фон Гумбольдт писал: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [5, с. 304]. Язык суммирует знания его носителей о мироустройстве, отражает характер и культуру народа. Результатом освоения человеком/народом окружающей его действительности становится ключевое слово, концепт.

Впервые понятие концепта появился в работах средневекового французского философа П. Абеляра, обратившегося к изучению проблемы языковых универсалий [7]. Сегодня термин «концепт» широко используется различными гуманитарными науками: культурологией, лингвистикой, лингвокультурологией, психологией, теорией литературы, политологией и др. Каждой из этих областей знания присуща своя интерпретация данного понятия.

В рамках нашего исследования вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным мы будем определять концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным

сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [9, с. 24].

Концепт репрезентируется в языке, т. е. получает языковое выражение. Структура концепта раскрывается через языковые средства, которые входят в состав ассоциативно-смыслового поля исследуемого концепта. Под языковыми средствами понимаются прямые и производные номинации концепта, фразеологические единицы, однокоренные слова, синонимы, метафорические номинации концепта и др.

Концепт «дерево» является частью концептосферы различных национальных культур. Так, в языческой культуре древних славян дерево является объектом поклонения [10, с. 134—135]. В священных рощах совершался ритуал жертвоприношения — явления древнего растительного тотемизма, обусловленного мифологическим сознанием человека. В мифах и русском фольклоре дерево часто выступает в качестве универсальной модели Вселенной, системы пространственных координат (Мировое дерево, *arbor mundi*, ось мира). Вертикальная структура дерева складывается из трех частей: корни (подземный мир — ноги — прошлое), ствол (земной мир — туловище — настоящее), ветви (небесный мир — голова — будущее) [12, с. 327].

Описание единиц ассоциативно-смыслового поля дает возможность представить суть концепта, зафиксированного в языке. В семантическое поле «дерево» входит целый ряд языковых единиц, связанных различными лексико-семантическими отношениями. Прежде всего это иерархические отношения, а точнее гиперо-гипонимические отношения. Так, слово *дерево* образует родовидовые связи с лексемами *дуб*, *береза*, *сосна*, *липа*, *рябина*, *ива* и т. д. Данные лексемы нередко выступают в качестве репрезентантов концепта «дерево» как в фольклорных произведениях, так и в произведениях художественной литературы, в частности в текстах конкретных авторов.

В «неисторическом романе» Е. Г. Водолазкина «Лавр», повествующем о жизненном пути средневекового врача Арсения-Устина-Амвросия-Лавра, можно увидеть реализацию ряда концептов-константов. Концептом-константом считается такой концепт, который «присутствует в русской идеосфере (концептосфере — совокупности всех концептов данной культуры) на протяжении многих лет, способствует выражению христианских принципов русской культуры» [11, с. 15]. Одним из таковых является концепт «дерево», который формирует пространственно-временную канву произведения.

В русской традиции принято соотносить человека с деревом (*яблоко от яблони недалеко падает, пускать корни*). Название романа и одно из имен главного героя отсылают нас к репрезентанту *лавр*. *Лавр* — вечнозеленое дерево, считающееся символом вечной жизни: «*Старец Иннокентий сказал из отходной кельи: Хорошее имя Лавр, ибо растение, тебе отныне тезоименитое, целебно. Будучи вечнозеленым, оно знаменует вечную жизнь*» [4]. О магистральной теме — постижении вечности — писал сам Е. Г. Водолазкин: «*“Лавр” — попытка упразднить время и пространство, точнее — показать, что всё достигается работой духа, если понимать своё время как часть вечности*» [3, с. 339]. Арсений в романе помещен в пространство, где сходятся несколько миров, герой проходит долгий процесс инициации (становления святым) и получает имя Лавр только в конце своего пути. Как известно, в европейской культуре лавровый венок являлся символом победы. Таким образом, для героя получение имени Лавр символизирует победу над смертью, постижение вечности.

В русской традиционной культуре в качестве почитаемого дерева чаще всего выступает *дуб* — символ крепости и мощи, целительной силы. Он фигурирует в фольклоре в качестве Мирового древа: выполняет космогоническую функцию, а также — функцию посредника между мирами (инициация) [13, с. 452].

В романе «Лавр» в качестве репрезентанта концепта «дерево» дендроним *дуб* реализует несколько смыслов. Один из них связан с древним ритуалом зажигания огня в честь божества (у славян — Перуна). Этот ритуал можно найти в тексте романа: «Велел [Христофор] окон не открывать, а утром и вечером раскладывать во дворе костер на **дубовых дровах**» [4].

Представления о целительной силе дуба отражаются в следующем контексте: «Остриженные части волчьего тела Христофор присыпал толчеными **листьями дуба**» [4]. При помощи листьев дуба Христофор излечивает волка от смертельных ран. Дубовые листья используются в качестве одного из ингредиентов смеси для прокуривания избы от болезни: «Добавил **дубовых листьев** и листьев руты. Мелко истолок, положил на уголья и в течение дня занимался прокуриванием» [4]. Акцентируется в тексте романа внимание на крепости дуба в сравнении с другим деревом — сосной: «Так, рассуждал о свойствах дерева, о том, что нам всем в слободке и без того известно: что **дуб** — твердый, а **сосна** — мягкая» [4]. Автор обращает внимание читателя на контрастность свойств дуба и сосны. Существительное *дуб* в русском языке относится к мужскому роду, а существительное *сосна* — к женскому. В категории рода отразились древние представления славян о двух началах: в русской культуре *дуб* отвечает за мужское начало, а *сосна* — за женское.

Дуб у Е. Г. Водолазкина выполняет космогоническую функцию. Как с Мирового древа начинается строительство Вселенной, так с двух *дубов* начинается строительство дома Арсения (Лавра): «У одной из стен он [Арсений] увидел два сросшихся **дуба**, и они стали первой стеной его нового дома» [4]. Одновременно дубы, растущие на кладбище, являются звеном между мирами: миром подземным и миром земным (пограничное место, где происходит инициация). Это соответствует вертикальной структуре Мирового древа. Таким образом, можно говорить о том, что сросшиеся дубы выполняют у Е. Г. Водолазкина важную функцию Мирового древа. Арсений (Лавр) — персонаж, который проходит инициацию, постигает вечность: «Прислонившись к сросшимся **дубам**, на кладбище остается лишь Арсений. Кажется, что он тоже с ними сросся, переняв цвет их коры и неподвижность» [4]. Мировое древо неподвижно и вечно: прикосновение к нему — это прикосновение к вечности.

В романе несколько раз встречается прилагательное *деревянный*. Если мы обратимся к словарю С. И. Ожегова, то обнаружим два значения слова *деревянный*, важные для представления концепта «дерево» в романе «Лавр»: прямое «сделанный, построенный из дерева» и переносное «лишенный естественной подвижности, маловыразительный, бесчувственный» [8, с. 156]. В связи с этим лексемы с корнем «*дерево*», используемые в произведении, можно разделить на две группы. В первой группе прилагательное *деревянный* употребляется в прямом значении: «**деревянные мостовые**», «**деревянный брусок**», «**деревянный цветок**», а во второй — в переносном значении: «**деревянные шаги**», «**деревянный стук**». Кроме того, в тексте немало и производных лексем, образованных от прилагательного *деревянный* в непрямом значении: единичные употребления наречия *деревянно* («**деревянно** звучали мостовые» [4]) и существительного *деревянность* («Арсений прижался лбом

к дубу и почувствовал, как в него вливается **деревянность**» [4]). Существительное *деревянность*, образованное при помощи абстрактного суффикса *-ость*, выражает неподвижность и отрешенность, передающиеся главному герою при контакте с дубом.

В тексте дважды встречается метафорическая номинация *дерево лавки*: «Ее щека касалась **дерева лавки**... [4]» и «Сказала, упершись ладонями в **дерево лавки**... [4]». Автор намеренно заменяет прилагательное на существительное: для него важен не материал, из которого изготовлен предмет, а представление о дереве как о символе вечной жизненной силы.

В качестве репрезентанта концепта «дерево» используется дендроним *осина*. Это дерево считали проклятым, так как в местах, где оно росло, можно было встретить чертей [1]. Связь с нечистой силой объясняет использование *осины* в магических ритуалах. Например, осиновый кол вбивали в умерших колдунов, чтобы они не превратились в «ходячих» покойников [6]: «Когда изба догорела, самые смелые отважились рыться в пепле, чтобы проткнуть осиновым колом то, что осталось от Анастасии» [4]. Проведение данного ритуала объясняется отношением жителей Рукиной слободки к Анастасии, которую они считали ведьмой. Еще один магический ритуал, бытующий в фольклоре, связан с этим деревом: «заламывание осины» [2, с. 42]: «Другая рука обламывает ветку осины и прикрывает ею огонек со стороны монастыря» [4]. Арсений ломает ветку, чтобы избежать встречи с нечистой силой.

Свою смысловую нагрузку несет еще один репрезентант концепта «дерево» — *сосна*. Образ *сосны* в романе представлен несколькими сочетаниями слов: *сосновые иголки*, *сосновые ветки*, *сосна*. Лейтмотив *сосновых иголок* появляется в тексте не раз и связан со сценой смерти: «Скрюченный человек катался по кровавой земле, а за ним волочили, собирая пыль и **сосновые иголки**, вывалившиеся кишки» [4].

Ветки *сосны* использовались в обряде погребения человека, который не успел или не смог покаяться (исповедоваться в грехах перед смертью): «Там тела опускали на дно глубокой ямы и закладывали **сосновыми** ветвями. Так покойники становились заложными» [4]. С давних времен *сосновые ветки* клали на дно гроба и бросали за гробом с покойником, чтобы не допустить возвращения мертвого с того света. Соприкосновение главного героя со смертью Е. Г. Водолазкин описывает, используя прямые и производные номинации концепта: «Муравьи не склонны отличать его от этой **сосны**, и он их понимает. Он и сам чувствует степень своей одеревенелости. Это уже началось, и этому трудно противиться. Еще немного, и он уже не вернется. Одушевленный голос Анастасии вытаскивает его из области **древесного**» [4]. Образ *сосны* возникает и в связи со смертью самого Арсения (Лавра): «Тело Лавра продолжает лежать под **сосной** у входа в пещеру» [4].

В романе «Лавр» заключительный этап жизненного цикла нередко ассоциируется с процессом опадания листьев, что находит отражение в использовании сочетаний с лексемами *облететь*, *деревья*, *листья*. Вот как автор описывает приход смерти в дом Христофора: «За спиной Арсения стояла фигура, и старик [Христофор] сразу ее узнал. То была смерть. Она распространяла запах немывтого тела и ту нечеловеческую тяжесть, от которой в душе рождался ужас. Которую чувствовало все живое. От которой за окном прежде времени **облетели деревья**. И попадали птицы» [4].

Еще более тесная взаимосвязь человека и дерева прослеживается в передаче психологического состояния Устины, беременной жены Арсения

(Лавра), которая предчувствует свой печальный конец, видя «умирание природы» (возникает образный параллелизм): «*Окутавший Белозерье мрак наводил на Устину тоску. Она видела, что природа умирает, и ничего не могла с этим поделать. Глядя, как облетают с деревьев листья, Устина также роняла слезы. Изменения в своем теле она наблюдала теперь как бы со стороны*» [4].

Таким образом, концепт «дерево» является одним из основных концептов русской культуры, реализующихся как в фольклоре, так и в произведениях художественной литературы. Являясь концептом-константой, он тем не менее в процессе вербализации проявляет определенную специфику в зависимости от конкретной исторической эпохи соответствии с мировоззрением конкретного писателя. Наблюдение над способами репрезентации концепта «дерево» в романе Е. Г. Водолазкина «Лавр» выявило многообразие лексических средств, позволяющих автору образно и точно передать свое индивидуальное мироощущение в контексте многовековых традиций русского народа.

Список литературы

1. Бабушкин А. П. Концептуальные типы значений // Контрастивные исследования лексики и фразеологии русского языка. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1996.
2. Борисова Л. В. Концепт дерево как лингвокультурный код // Вестник Московского гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2014. № 1. С. 34—45.
3. Водолазкин Е. Г. Дом и остров, или Инструмент языка. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2017. 384 с.
4. Водолазкин Е. Г. Лавр. М.: АСТ, 2013. URL: <https://angelov.su/book/lavr/reading> (дата обращения: 8.02.2021).
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
6. Круглый год. Русский земледельческий календарь / сост. А. Ф. Некрылова. М.: Правда, 1989. 496 с.
7. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм Абеяра. М.: Гнозис, 1994. 216 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 6-е изд., стер. М.: Советская энциклопедия. 1964. 900 с.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.
10. Славянская мифология: энциклопедический словарь / под ред. С. М. Толстой. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
11. Токарев Г. В. Лингвокультурология: учебное пособие. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. 135 с.
12. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. 496 с.
13. Штенрберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л.: Наука, 1936. 572 с.